

К ИСТОРИИ РОДА СОЧИНСКИХ КНЯЗЕЙ АУБЛАА

Краткий очерк¹

Судя по многим фольклорным и некоторым историческим источникам, история рода князей Аублаа, проживавших в XIX в. в низовьях реки Сочи-пта, заслуживает самостоятельного изучения, что и будет, вероятно, сделано в недалеком будущем. В предлагаемом же кратком очерке, основной целью которого является рассмотрение вопроса об этнической принадлежности этого рода, приводятся лишь те, сравнительно немногочисленные материалы, которые удалось собрать к настоящему времени.

Перед тем, как приступить к их изложению, думаю, следует сделать некоторое отступление, касающееся общества (племени, по Э. Челеби) Соча и его владельцев XVII в., поскольку существует целый ряд невыясненных моментов, касающийся их взаимоотношений с родом Аублаа.

Из «Книги путешествия» турецкого автора Эвлия Челеби² известно, что в середине XVII века, а это не такое уж далекое время от XIX века, западнее общества Хамыш (располагалось в долине р. Хоста), существовало достаточно

¹ Охват различных аспектов проблемы выходит за рамки одного очерка. Каждый из затронутых вопросов – будь то исторические свидетельства, фольклор или религиозные верования, требует самостоятельного рассмотрения. Однако, не имея возможности посвятить каждой теме отдельную статью или главу, я все же решила в рамках одного очерка предложить собранный довольно разнообразный, но, как я думаю, немаловажный материал.

² Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 3. М.1983, с. 51.

многочисленное «племя» Соча, имевшее своего бея, т. е. князя, так же, как и у всех, говоря словами Челеби, племен «абаза» прибрежной полосы, общества которых носили названия своих ведущих родов (в данном случае имеется в виду территория только Джигетии). И «племя» Соча, как его зафиксировал Э. Челеби, писавший на турецком языке, называлось по имени своего бея-князя – Соча, в абхазском произношении Шьача (Шэача). К сожалению, в известных нам источниках второй половины XVII и XVIII вв. ни о роде Соча, ни о роде Аублаа нет никаких сведений.

Как видно, в основном все прибрежные общества до последнего дня их бытования на родине продолжали называться по именам их правящих родов, зафиксированных еще в «Книге путешествия» Э. Челеби. Исключение в этом ряду представляет только общество Соча. В XIX столетии на той же территории вдруг появляется новое название владетелей этого общества – Облагу или Аублаа, а их владения, начиная от водораздела между реками Дагомыс и Псахе и до владений князей Хамышаа абхазы и другие местные жители называли просто – Аублаа идгил, что означало «Аублова земля». Если имела место смена родов, то это событие могло произойти в какой-то период XVIII века, а может быть и ранее, где-то во второй половине XVII в. Возможно Аублаа представляет собой закрепившееся в качестве фамилии название какой-то ветви, патронимии (абхазское «абипара») бывшего княжеского рода Шэача/Сача/Саша? Этот род в абхазском фольклоре проходит всегда только как княжеский, причем обязательно в связке с другой и тоже княжеской фамилией – Шварыква (Шэача-Шэарыкэа). Упоминается в преданиях и некий Шэача Хабыдж (Хабыц)³.

Антропоним Шэача (как и название местности, и реки), имеет разные вариации, благодаря чрезвычайно сложной первой фонеме, наличной в абхазском и убухском языках. Подобные звуки сложны как для восприятия, так и для произношения, но еще более - для воспроизведения их в письменном виде. Именно поэтому не только название Сочи, но и формы фамилии, связанной с этим топонимом, у разных ответвлений, нередко разнятся друг от друга⁴. Сам же топоним Сочи/Соча, по убеждению известного лингвиста акад. К. В. Ломтатидзе,

³Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002, с. 162.

⁴Его же. Садзы.- М. 1995, с.72, 117, 125.

имеет абхазское происхождение⁵. К ее мнению присоединился и Ш. Д. Инал-Ипа, считающий вполне вероятной генетическую связь термина Сочи с абхазским языком. Как он пишет Сочи, а вернее Соча, в абхазском известен «в двух вариантах – Швача (Шэача) и Хышвача (Хышэача и Хы-шэача), что в дословном переводе с абхазского (бзыб. Хы-Шэача) означает «Головное Сочи», а Хышэача – «Трое+Сочье» (возможно в последнем названии подразумеваются: аул Али Ахметбея Аублаа, затем основное селение на левобережье и небольшой поселок на правом берегу реки Сочапста⁶.

В Абхазии этот род полностью исчез, но в Турции и Сирии их семьи еще встречаются⁷. Нашим соотечественникам удалось встретить нескольких из них. Так в 1991 году одного Шашэ встретил в районе Адапазары, сотрудник АБИГИ, лингвист В. М. Бганба, но собранные им материалы, к сожалению, еще не все опубликованы. Другого Шаша/Саша встретил во время своей этнографической экспедиции абхазский этнолог Ю. Г. Аргун⁸. Встреча с этим человеком не была запланирована и состоялась совершенно случайно. Представители диаспоры города Адапазары посоветовали Ю. Г. Аргун посетить мероприятие, специально планируемое сотрудниками их телевидения, для записи старинных абхазских песен и танцев. Он принял их приглашение и поехал в селение Кайлар, куда были приглашены люди преклонного возраста из соседних деревень, где проживают абхазы. Первому, кому предложили представиться будущим телезрителям, оказался Шашьяа Мас-ипа Ешраф, так как он считался самым почетным и уважаемым гостем из всех прибывших. Он рассказал Ю. Аргун только то, что знал от своих прадедов: предки Шьяшаа всегда жили в долине реки Сача-пта, а недалеко от них обитали общества Чуа и Хамыш. Однако, по свидетельству Ю. Г. Аргун Шашаа Ешраф не являлся как будто бы ни князем, ни дворянином. Как пишет и Д. К. Чачхалиа⁹, от Ашрафа Сашаа он узнал, что его предки смогли

⁵Ломтатидзе К. В. О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов.// Ж-л «Мнатоби» 1956, 12 (на груз. яз).

⁶Инал-Ипа Ш. Д. Указ. соч. с.125.

⁷По сведениям лингвиста, В. А. Чирикба в Турции Шэашаа живут близ города Карапючек в селениях Цхинара и Хамыш. (За представителем фамилии Шацэ, обосновавшейся в период махаджирства в Сирии, замужем широко известная среди диаспоры и на Кавказе Мажда Хабжоко, живущая ныне в Нью-Йорке. Она член АМАН и преподаватель арабского языка в международной школе при ООН. (Зарина Канукова. Родина в ее мыслях и делах // «Черкесский мир», 1998, 2, с. 24.

⁸Из личного архива Ю. Г. Аргун. За предоставление материала приношу большую благодарность

⁹Чачхалиа Д. К. Историческая топонимика Большого Сочи середины XIX века // Приложение к кн. : Эдвард Мартель. Кавказская Ривьера. Путешествие по югу России и по Абхазии. М, 2004, с.175.

переправить из Абхазии в Турцию 6 тысяч абхазов. Однако и Д. К. Чачхалиа не убедился в аристократическом происхождении Ашрафа Сашаа.

Этими моими более, чем краткими и скромными сведениями хочу обратить внимание на, как мне кажется, важный для истории Абхазии вопрос сопряженности родов Аублаа и Шэашьяа. Распутать узел, в который безусловно, на мой взгляд, сплетены эти два загадочные рода, представляется весьма интересным и, может быть углубленное и более широкое изучение этого вопроса приоткроет перед нами неожиданные перспективы – возможность заглянуть в далекое прошлое абхазского народа, где эти роды или род играли несомненно значительную роль.

Итак, кем же были сами Аублаа? Что о них известно? Где располагались их владения в прошлом? Где было их родовое гнездо? К какому этническому миру они относились? И куда делись беи Соча, о существовании которых писал Эвлия Челеби? На большинство из этих вопросов дать однозначный ответ не только непросто, но в настоящее время, скорее всего и невозможно.

Имя рода Аублаа всплывает в военной исторической литературе в форме Облагу только в период Кавказской войны. Первые сведения о них относятся к 1830 и 1835-37 гг. Это был род, – по словам барона И. К. Аш¹⁰, – «сильнейший из садзских князей», а по Ф. Ф. Торнау¹¹ был «сильнейшим» не только среди садзских, но и среди всех князей и владетелей на территории от реки Шахе и до р. Бзыбь, т. е. включая и весь Садзен (Джигетию). К сожалению, известными стали (и то лишь отчасти) всего два его представителя – владетельный князь общества Соча - Али Ахмет Бей Аублаа и его брат, погибший во время морского боя с казаками в 1841 году, имя которого так и осталось неизвестным¹².

Что касается Али Ахмет Бея, то его личность достаточно красочно, хотя кратко и односторонне, охарактеризована русским офицером А. Ф. Рукевичем. Он писал, что на реке Соча-пста жил князь Аубла Ахмет, «слывший по всему побережью как отчаяннейший пират, грабивший...крымские и анатолийские берега. За его небольшой, но чрезвычайно хорошо оснащенной бригаантиной наши

¹⁰ **Аш И. К.** (барон). Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелиею, крепостью Анапой и Черным морем и северо-западной частью Кавказского станвого хребта. Абхазия // ЦГВИА ВУА, Ф. 414, д. 301, л. 29.

¹¹ **Торнау Ф. Ф.** Описание части восточного берега Черного моря от р.Бзыби до р. Саше. 25 ноября 1835 г. // в кн. **Дзидзария Г. А.** Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М. 1976, с.106.

¹² **Н. В.** Утверждение наше в Абхазии // КС, т. 1, XIII, Тф. 1889, с. 420.

военные суда очень долго и упорно гонялись и так-таки не смогли захватить ее»¹³. Вспоминал о нем и известный военный разведчик, барон Ф. Торнау, охарактеризовавший его уже с другой стороны и тоже односторонне – как «ревностного мусульманина»¹⁴. Однако, поведение князя в дальнейших событиях, да и в обыденной жизни, не подтвердили мнение барона. Покровительствовавший торговле с турками и, несомненно, получавший от них пошлинный и таможенный сборы, а также, видимо, и подарки, он вынужден был выдавать себя за такового, тем более, что турки, по свидетельству Ф. Торнау, имели свой опорный пункт совсем рядом с его усадьбой. Это место было одним из самых главных их пристанищ, откуда турецкие купцы производили торг с горцами¹⁵. Оно располагалось у подножья морского склона горы левобережья реки Сочи-пста. На этой горе жил Аублаа Ахмет, там же находился и его аул. Он был «разбросан» на вершине горы и отстоял от основного села на версту и – в «получасе от берега» моря¹⁶. Авторы справочника по Сочи писали, что «владелец князь [общества] Саша жил в доме, окруженном высоким частоколом, на краю поселения, раскинувшегося по берегам реки Сочи»¹⁷, защищенного от моря и со стороны левого берега реки густым лесом.

Само же селение в XIX столетии располагалось в основном по левобережью р. Соча-пста, в довольно обширной долине, считавшейся на побережье одной из наиболее плодородных. Там, недалеко от устья реки, «несколько обнаженного от леса», «небольшой купой росла сосна»¹⁸. Отсюда, т. е. от моря к селению вела дорога, для прикрытия которой на берегу был «сделан небольшой завал из деревьев и земли», а со стороны реки селение, подобно горе Аублаа было защищено таким же густым лесом. В селении, согласно Ф. Торнау, жило 450 семейств общества Саша¹⁹, в самой же низменной части долины, по направлению в сторону моря, количество жителей было незначительным. Ближе к берегу попадались лишь одиночные дома из-за боязни нападений со стороны

¹³ Рукевич А. Ф. Из воспоминаний старого эриванца (1832-1839) // Исторический вестник. 1914, декабрь, с. 771.

¹⁴ Торнау Ф. Из докладной записки 3 января 1835 года (Бамбора). с.106.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Доброхотов Ф. П. и др. Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Петроград. 1916, с. 230.

¹⁸ Несомненно, это был вид реликтовой пицундской длиннохвойной сосны. По сведению проф. А. Нордмана такую сосну он видел помимо Пицунды еще и в Мамае, недалеко от Сочи // Нордман А. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // ЖМНП. 1838, № XI, с. 416.

¹⁹ Торнау, указ. соч., с. 106.

моря, хотя Дж. Белл посчитал морской берег Сочи хорошо защищенным благодаря стене, сохранившейся от старой, видимо турецкой, крепости. Возможно эта крепость, как и в Сухуме, была возведена на руинах древних укреплений византийского, а может быть даже и римского времени. Как писал очевидец, тот же Дж. Белл, местное население перед битвой за Сочи в 1838 году, до наступления российских войск, использовало и ее полуразвалившиеся стены, дополнительно укрепив их завалами. Однако завалы всего побережья были разрушены с моря мощным артиллерийским огнем из орудий прибывших к Сочи военных кораблей, вслед за чем, после упорных боев Сочи был взят. Гора же, где располагалась усадьба Аублаа и его аул, получила название «Батарейка», в память о том, что во время борьбы за Сочи там располагалась батарея пушек убыхов и садзов, обстреливавших российские войска.

Представляют интерес материалы, связанные и с другой горой, расположенной ближе к морю и тоже имевшей платообразную вершину. На ней русские после взятия Сочи возвели крепость. Начало ее строительства совпало с днем ангела императрицы²⁰, и новый форт был назван в ее честь Александрией. По рассказам старожилов, записанных К. Коченовским, в этой крепости в прошлом, до занятия ее русскими, «находились остатки круглого, похожего на храм каменного здания из дикого камня, который пошел для сооружения на его месте храма»²¹. Натуралист и охотник А. Старк, посетивший эти места в 1870 году, так описал увиденное им: «...я первый раз посетил Даховск. Стены его укреплений и его башен были тогда еще целы, а на площади красовалось изящное круглое, с колоннами здание запущенной церкви...к сожалению как здание этой красивой церкви, так и стены и башни укрепления, как и всех береговых укреплений, проданы военно-инженерным ведомством на слом»²².

А всего через три года в 1873 г. А. В. Верещагин, посетив Даховскую крепость, писал, что от нее теперь «остались только полуразрушенные стены, бастионы, казармы и посредине площади круглое здание без купола и крыши,

²⁰Затем ее почему-то переименовали, как ни странно, в Навагинскую, в память военного отряда, не принимавшего участия в завоевании Сочи, чем страшно возмутили и обидели генерала Симборского, одного из главных руководителей военной операции по взятию Сочи. Впоследствии и это название было отставлено в прошлое, и крепость стала называться Даховской, теперь уже в честь Даховского отряда в 1864 году занявшего Сочи. Затем за этим местом закрепилось название – «Даховский посад».

²¹Коченовский К. И. Сочи. Исторический очерк. Общее описание города. Окрестности города. СПб, 1913, с. 4.

²²Старк А. На Русской Ривьере. Из дневника охотника. СПб, 1913, с. 13.

бывшее прежде церковью»²³. Как мы уже знаем, фундаментом бывшей «красивой и изящной церкви» послужило основание круглого древнего здания, «похожего на храм». Трудно теперь сказать, что представляло собой в прошлом это сооружение – остатки ли христианского храма в виде ротонды или языческого капища?

На территории этой горы в 30-х годах, до взятия русскими Сочи, находилась усадьба другого какого-то крупного князя с обширным садом, очень долго слывшим у первых русских поселенцев «княжеским»²⁴. Может быть это была усадьба брата Али Ахмета? Или, скорее, принадлежала одной из семей князей Арыдба, поселившихся в качестве «гостей» во владениях Аублаа. В данном случае мы явно имеем пример абхазского социального института, так называемого «асасства»²⁵. Арыдба были кровными врагами убыхских дворян Берзеков Дагомукowych и их появление в сочинском крае, надо думать было неслучайным. Оно, как можно предположить, произошло по предварительному сговору князей Аублаа с адлерскими князьями. У самих Аублаа, судя по источникам, были далеко нерадужные отношения с продвигавшимися с гор к морю Берзеками, захватившими в самом начале XIX в. принадлежавшие садзам земли ущелья р. Соча-пста, вплоть до выхода ее из него,²⁶ в трех часах езды от Сочи. Спустившиеся по реке убыхи, во главе с Берзеками захватили не только земли, принадлежавшие абхавам-садзам, но и один из садзских (джигетских) центров, расположенный в 15 верстах от морского берега на месте нынешнего селения Пластунка, под названием Мытыхуа/Мутыхуа/Мтыхуа²⁷, происходящим от

²³Верещагин А. В. . Путевые заметки по Черноморскому округу. – М. 1874, с. 38. В связи с этим строением вспоминаются предания, сохранявшиеся среди абхазов о круглой башне (вариант –огромный дуб), стоявшей на месте Пицундского храма, откуда в древности страшным голосом изрекались грозные прорицания. Уничтожена она была будто бы Андреем Первозванным посредством удара топориком. . Поверженной она умолкла, после чего абхазы уверовали в праведность проповедей Апостола Андрея // Из устных рассказов 1960 г. писателя Михаила Лакербай и адвоката Джото Коркия-Атумаа. См. И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1898, с. 78. Интересны и зарисовки круглых башен в предгорьях Абхазии, исполненные в XVII в. монахом Христофором Каstellи ,а также и сохранившиеся в горах круглые башни непонятого назначения, например башня Цумур на р. Гумиста.

²⁴Коченовский, Указ. соч. с. 4.

²⁵Асасство – это обычно-правовой институт абхазского гостеприимства, существенный элемент традиционного быта абхазов, так называемого апсуара, т.е. «абхазства», при котором крестьяне (очень редко дворяне, а в особых случаях даже и князья), могли переселяться из одной общины в другую и переходить от одного феодала к другому. Обычай этот официально сохранялся до 1869 г., фактически же частично продолжал действовать вплоть до первых лет Советской власти. Согласно традиции любой гость считался лицом неприкосновенным, ему оказывали помощь и разные знаки внимания, защищали от преследования врагов, принимали в свою общину и т.д.

²⁶Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Соча-пста до вновь возведенного на Туапсе укрепления // Кубанские областные ведомости, 1885, № 1.

²⁷Краткое описание страны...1885, № 1.

абхазского имени²⁸ и абхазского же слова хуа, означающим «холм», «владение», а с наращением «са»–«хуаса» уже означало по-убыхски «селение» – Мутыхуаса/Мытыхуаса. Оно стало резиденцией знаменитого и прославленного военного вождя убыхов Хаджи Адагуа Берзека, а напротив, по левобережью реки, в селе, названном Дагомуковым, обосновалась семья его брата. Там жил племянник Хаджи Берзека, тоже широко известный неукротимый Керантух Берзек.

Отошла к убыхам и росшая на правом берегу, вблизи этих мест знаменитая белолистка – гигантское священное дерево садзов²⁹, ставшее священным и для убыхов.

Все вышеизложенное никак не могло нравиться ни князьям Аублаа, ни населению Сочи, ни вообще всем оттеснявшимся садзам. По-видимому, вселение в Сочи враждебного Берзекам сильного садзского княжеского дома, по мнению Аублаа и самих Арыдба, поставило бы заслон дальнейшему наступлению Берзеков. Судя по последующим событиям, это мероприятие имело успех, так как Берзеки, в течение всей дальнейшей истории, не продвинулись по реке Соча-пта в сторону моря ни на версту – ведь между ними и Арыдба стояла кровь. Да и союз двух родов Аублаа и Арыдба представлял собой немалую силу и Берзеки, как видно, предпочитали не вступать с ними в открытую борьбу – даже наоборот. Так, в 1838 году один из представителей этого сильного дворянского рода, упоминавшийся уже Керантух Берзек, объявил генерал-майору Симборскому, что «он и большая часть его родных готовы оставить свои жилища и переселиться в Абхазию, куда их впрочем, направляло не столько желание покориться России, сколько кровная вражда» с джигетской фамилией «жившей в селе князя Аублаа Ахмета». Понятно, что он имел в виду своих кровников Арыдба³⁰.

Однако влияние убыхов во главе с Берзеками в связи с разыгравшимися на территории Восточного Причерноморья военными событиями, чрезвычайно

²⁸Здесь же следует отметить абхазские по происхождению имена **Мты, Мыта, Муты** и др. (См. в кн. **Инал-Ипа Ш. Д.** Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002, с. 78, 87, 109, 110.

²⁹Эту белолистку специально посетил А. Верещагин. По его измерениям ствол ее «на высоте 2,5 аршин...оказался в окружности 17 с лишним аршина... а у земли более 20 аршин. (**Верещагин А. В.** Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874, с. 41). «Немного выше ближайшей к морю теснины, – писал А. Старк, – есть ровная поляна, на которой росла колоссальнейшая белолистка, переходная форма между серебристым тополем и обыкновенною осиною. Дерево это считалось священным. Двенадцать лет тому назад (т. е. в 1870 г.) и я восхищался этим гигантом и удивлению моему не было предела, когда измеренный он оказался семи сажень в окружности (ок. 5 м). Увы! В настоящее время от этого действительно священного дерева остался лишь обгорелый пенек. Какой-то дикий варвар сжег его» (**Старк**, указ. соч., с. 87, 88.).

³⁰**Россиев, Павел.** «У Черного моря» (к истории покорения Кавказа в 1838 году) // Газ. «Новое слово». 1913, № 8.

возросло. Своей непримиримой борьбой и беспредельной неукротимой воинственностью они широко распространили свою политическую гегемонию, переходившую временами в тяжелый диктат. На юго-востоке эта граница достигала реки Хоста, в связи с чем эту политическую границу часто заменяли, заменяют и поныне понятием этническим. В действительности же, как на территории Сочи так и в обществах Хамыш и Псахе (соседнее с Сочи общество, обитавшее в плодородной долине р. Псахе, совр. Мамайка), население, хотя и было уже довольно смешанным, но несомненно, заметно преобладающим этническим элементом продолжал оставаться садзский, о чем и писали авторы того времени³¹. Недаром абхазы все земли, начиная от водораздела между реками Дагомыс и Псахе (Мамайка) и до владений князей Хамышаа, называли Аублаа Идгил, т. е. «Землей Аублаа»³². Видимо, не случайно владетельный князь Абхазии Келешбей присоединил завоеванием этот район, считая его частью этнической территории Абхазии и учитывая стремление убыхов к захвату этих территорий. Об этом удалось узнать из сведения бар. И. К. Аш, в котором сказано, что Келешбей «силою оружия покорил...джикетский народ.., обитающий от монастыря Гагры до селения Мамай»³³ (а вернее, учитывая географию района, до водораздела между реками Дагомыс и Псахе). Вполне вероятно предположение, что этот шаг был предпринят в связи с продвижением в этом районе к морю верхних убыхов. В этом отношении важны слова Ф. Торнау об этом народе: убыхи «живут между верховьями рек Хоста и Шахе...но не по берегу моря, а в верстах 15 и более в ущельях и долинах параллельной цепи гор, исключительно по р. Убых, простирающейся верст на 40 и впадающей в Шахе.» Какая река скрывается под названием Убых, до сих пор неясно и, как ни странно, никто из исследователей не коснулся этого вопроса. Словом Убых названа гора на карте 1843 года. Повидимому где-то около нее должна была протекать и река под названием Убых.

Что же касается общества Хамыш, то в этом отношении показательны слова проф. А. Нордмана, отметившего, что «при устье реки Хуоста,... джигеты построили два бревенчатые завала, которые служили прикрытием для

³¹ Инал-Ипа. Садзы. с. 112, 127 и др.

³² Чачхалиа, ...топонимика Большого Сочи, с. 167

³³ Аш И. К. Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелиею, крепостью Анапой и Черным морем и северо-западной частью Кавказского станового хребта. Абхазия // ЦГВИА, ВУА, ф. 414, д. 301, л. 4-5, 13.

пристававших здесь мелких турецких судов»³⁴. И ни слова не сказано об убыхах, которые, как жители этих мест, если, конечно их было там достаточное количество, должны были бы участвовать в общем для всех мероприятии, касавшегося в таком случае не только джикетов, но и убыхов.

Что же касается самого рода Аублаа, то впервые, как уже было отмечено, мы встречаемся с ним в сообщениях барона И. К. Аш 1830 года, отметившего не только то, что Облагу были «сильнейшими из садзских князей», но и то, что они «пользовались общим уважением народа»³⁵. При этом, судя и по многим другим материалам, смело можно сказать, что ни один абхазский княжеский род не испытывал к себе со стороны народа такой пиетет и не обладал такой широкой популярностью как Аублаа (так, например, в высшей степени престижной среди всех абхазских князей считалась женитьба на представительнице этой фамилии).

Аублаа выступают одной из самых привилегированных и почитаемых абхазских родовых групп в абхазском фольклоре – легендах, сказках, многочисленных выражениях, присказках, пословицах, афоризмах и поговорках. К сожалению, они трудно переводимы на русский язык и теряют при этом всю свою фольклорную специфичность и оригинальность. Ниже приводится ряд из тех, которые удалось собрать к настоящему времени, а их без сомнения гораздо больше:

- 1) Аублаа-гъха Мыркъа дысзааугап, сара мыжда?! («Может ты приведешь Мыркъу – дочь самого Аублаа?! Так говорили слишком разборчивому жениху).
- 2) Агъсуа зхылтцыз, Аублаа игъха лоуп. (Абхазы произошли от дочери Аублаа).
- 3) Аублаа-гъха дызтацахаз иџны насыгъла итџуп. (Дом, в котором дочь Аублаа стала невесткой, наполняется счастьем).
- 4) Аублаа! (Так, с восхищением отвечали на вопрос: какова невеста?, имея в виду ее статность, красоту и достоинства, и это означало, что она также прекрасна, как дочь Аублаа. В то же время могли так ответить и с насмешкой в том случае, если невеста была уж слишком неказистой, некрасивой и без всяких достоинств).

³⁴Путешествие профессора **А. Нордмана** по Закавказскому краю // ЖМНП, 1838, № XI, с. 414.

³⁵**Аш.** Указ. соч., л. 29.

- 5) Аублаа рыгъха дааргазшәа («Как-будто привели дочь Аублаа». Так с иронией говорили о тех, кто слишком суетился во время привода невесты, не отличавшейся ни красотой, ни происхождением и никакими особыми достоинствами).
- 6) Аублаа реигъш дхатцазароуп («Он должен быть таким же бесстрашным как Аублаа»).
- 7) Згәыҕьра бзиоу Аублаа дрывасуеит («Только тот, кто обладает особым мужеством может позволить себе соперничать с Аублаа»).
- 8) Аублаа дигъазар аҕара, пату икәырцеит («Ему оказали такой почет, будто он сын Аублаа»).
- 9) Уи дублаауп, духамтгылар ҕалоит, уамашәа иумбан («Он Аублаа, может и не вставать»). Поговорка имела два значения: в одном по отношению к Аублаа, которые имели право не вставать ни перед царями, ни перед владельцами, в силу своего особого положения, а в другом – по отношению к дурно воспитанному человеку, не вставшему для приветствия вошедшего или подошедшего человека, вообразив о себе Бог знает что.
- 10) Уи Аублаа иеипш зегъ идырует («Он подобен Аублаа – все знает». Ее также употребляли в двух смыслах, в одном – относили к очень сведущему человеку, а в другом применяли к личности недалекой, малознающей, но любящей порассуждать).
- 11) Ухы шпамҕаҕыуго, уублаау цъушьозар! (« Как ты себя ведешь! Ты что, Аублаа, что ли?» Говорилось с осуждением, в смысле: «что ты себе позволяешь?!»)
- 12) Убриаҕара упсҕазаара узазызауеи Аублаа рыгъсы ухоушәа. («Что ты так дрожишь за свою жизнь, будто душа самого Аублаа сидит в тебе». Это значило, что душу и жизнь Аублаа при всех обстоятельствах надо было сбересть и сохранить.)
- 13) Аублаа уапҕацәла дҕеыжәырхует. («Помогавший спешивавшемуся с коня Аублаа, подстилал под его ноги полу своей бурки или черкески». Непереводимая дословно окаменелая фраза-формула, записанная в

Турции со слов садза Хаки Урданиа и объясненная его односельчанином Хишба.)

- 14) Ахэштаара иеҳәахаз Аублаа дихыччоит хәа («Застрявший у костра, [т.е. ничтожный] смеется над Аублаа».)
- 15) Аҗсуа изы асас даублаауп («Для абхаза гость так же дорог и уважаем, как представитель рода Аублаа»).
- 16) Несколько вариантов поговорки-вопроса, связанного с обычаем гостеприимства, где упоминается Аублаа, относят и ныне к сильно запоздавшему человеку:
- 17) Аублаа дутазма («Аублаа что ли гостил у тебя?»).
- 18) Унызкыло иумази, Аублаа дутамызтгы! («Что ты так задержался, будто тебя посетил сам Аублаа!»).
- 19) Аублаа дутамызтгы, уаха дарбан уаанызкылоз? («Если у тебя гостил не Аублаа, то кто другой мог так задержать тебя?»)³⁶.

По словам абхазского ученого из Турции Омара Беигуаа все древние афоризмы и поговорки исходят от Аублаа. А псырдзхвинский старожил У. С. Куруа рассказал Ш. Д. Инал-Ипа предание, согласно которому все абхазы произошли от представительницы рода Аублаа, о чем говорит и поговорка, приведенная выше. Предание можно сравнить со сказкой-легендой «Откуда пришли абхазы», записанной Самсоном Чанба в сел. Аацы от Арчелия Селима³⁷.

Важную запись, к сожалению лишь рефрен, одной исчезнувшей абхазской загадочной похоронной песни сделал ученый К. С. Шакрыл³⁸. В ней несколько раз упоминаются Аублаа: «Аублаа ублыс, ублаа ублас; Аублаа ублыс, ублаа ублас». К большой досаде, это выражение переводу не поддается и смысл слов «ублаа

³⁶Часть из представленных материалов является общераспространенной, а другая собиралась из разных источников, так №№ 1, 6, 7, 12, 14-18 взяты из книг **Инал-Ипа Ш. Д.** Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002, с. 204. и из книги «Садзы. – М. 1995, с. 238, 239. Далее №№ 3, 4, 5, с благодарностью были получены от **Лауры Бениа**. Они записаны ею в селе Бармыш в 1977 г. со слов бабушки Малэд Бениа (1896 г. р.); №№ 9, 10 и 11 взяты у **О. Беигуаа**. Поговорка № 13 дана по аудиозаписи, сделанной **Чачхалиа Д.** в 2000 г. в Турции.

³⁷**Абхазские сказки** (под ред. А. Хашба, В. Кукба. Ввод. слово И. Мещанинова. Илл. Л. А. Чачба-Шервашидзе. Сухум. Изд. АбНИИКА, 1935, с. 166-171.

³⁸**Шакрыл К. С.** Иахтны иаххәап. Рукопись с. 3 (см. **Инал-Ипа Ш. Д.** Садзы. с. 123, 135).

ублас» непонятен. К сожалению, осталась неизвестной не записанная вовремя и сама песня-плач.

Такое на редкость большое количество выражений, поговорок и представлений, собранных здесь лишь частично и слова из песни-плача с упоминанием Аублаа, говорят о необычном положении этого рода и в далеком прошлом. У потомков махаджиров сохранилось много различных воспоминаний и древних представлений о прошлом величии этого рода. Их собирал в Турции известный абхазский ученый, историк и фольклорист, потомок махаджиров Омар Бейгуаа. Собирал он эти материалы не только у старожилов-сказителей, но и у представителей семей Аублаа. Со слов стариков сказителей он записал предание о том, что: «Вначале был Аублаа, затем Апсха, потом Ачба, за ним Чачба» и далее отмечает, что «в старину на собраниях и в других общественных местах все вставали, когда появлялся Ачба, или его внук Ачачба. Но Аублаа при их появлении имели право не вставать, и это не считалось постыдным или признаком дурного тона». От того времени и сохранилось у абхазов выражение: «Он Аублаа, может и не вставать». Как он отметил «Царь Апсха занимал главное место в социальной иерархии абхазов, но Аублаа стояли над всеми слоями, включая царский род, и хотя они не относились к правящей династии, но считались выше всех царствующих родов». По его словам «в абхазской истории династические фамилии Ачба, идущие за ними Чачба и, не уступавший им ни в чем, предводитель Инал, в обычаях и законах абхазского народа стоят ниже Аублаа»³⁹. А такое место, как представляется, мог, по-видимому, занимать только верховный жрец государства.

О странном обряде, отдающим ароматом глубокой древности, рассказал в 1990 году представитель этого рода, абхаз из потомков махаджиров-садзов Аублаа Икмет Ещреф-ипа (позже тот же сюжет был записан и от Аублаа Зосхана)⁴⁰. По их словам детям мужского пола их рода до 3-хлетнего возраста не разрешается соприкоснуться с землей, все это время их носят на руках. По исполнению ребенку трех лет, в центре двора на земле расстилают овечью шкуру (а ранее, в Абхазии, скорее всего, расстилали козью) и ставят на нее босоногого мальчика. При этом читают специальную молитву: «Пока этот мальчик будет

³⁹ **Омер Бюйюка (Бигваа) . Аублааа** – Великий учитель // Материалы по абхазологии. № 2, 1971 г. и № 3 1975 г. // Газ. «Республика Абхазия». 1999 (материал дан в изложении Р. Гожба).

⁴⁰ **Ачба А. О.** Изустцэаада Аублаа? (Кто такие Аублаа?) // Гражданское общество. Сухум, 2004, с. 13, 14.

ходить по Земле, пусть от него будет отвращена всякая порча и чтоб была ему ниспослана благодать, любить и быть любимым среди своего народа, чтоб он был достойным всяческого уважения, а Бог пусть относится к нему с любовью. Пусть он будет красивым, хорошим и чтоб в народе пользовался славой»⁴¹. Прискорбно, что под влиянием ислама ныне утеряно имя божества, к которому обращались с этой молитвой и оно теперь заменяется или словом «Всевышний» или арабским словом «Аллах», означаящим «Бог». Об этом странном обычае пишет и Омар Бейгуаа. Считается, что если не провести описанный ритуал, то на мальчика, соприкоснувшегося с землей, станут влиять какие-то злые силы, исходящие от земли, а вернее от божества Земли. Как выше отмечено, обряд совершается в середине двора, где ребенка, поставив на шкуру, обязательно поворачивают лицом к востоку, в сторону восхода солнца. После произнесения молитвы, от которой, по всей видимости, остались лишь малые и искаженные фрагменты, ребенка поднимают со шкуры и босым же ставят на чистую землю. С этого момента он считается, как говорят Аублаа, «освобожденным от злых сил Земли». Ритуал этот неукоснительно продолжают совершать все семьи Аублаа до настоящего времени. «Мы, Аублаа, продолжаем исполнять обычаи предков – молимся не иначе, как сидя на овечьих подстилках. Мы, подобно предкам, высоко несем нашу Аублара (родовую честь Аублаа), нашу мораль, нашу Апсуара (Абхазство)⁴².

В связи с этим обычаем представляет интерес и рассказ князя Мюнура Аублаа, который записал в Стамбуле Д. К. Чачхалиа. По словам Мюнура в их роде помнят, каким глубоким почтением пользовались их предки на родине в Апсны, помнят и о том, что «когда Аублаа сходили с лошади, то им, не давая ступить сразу на землю, подстилали под ноги нижнюю полу своей бурки или черкески»⁴³. В современности этот акт воспринимается как особо почтительное отношение к представителям рода Аублаа, однако сопоставив его с вышеописанным ритуалом и поговоркой, проясняется связь с той же темой – какой-то таинственной зависимости рода от темных сил земли, соприкосновение с которой грозило бедой. В этом отношении приходит на ум и воспоминание о групповом портрете абхазской знати, исполненном Г. Г. Гагариным. На нем вся

⁴¹ Там же

⁴² Там же. С. 14.

⁴³ ЛА ЧДК

группа абхазской знати и ее свита стоит на земле за исключением одного князя Али Ахметбея. Он стоит не на земле, а на мощном корневом ответвлении гигантского священного дуба садзов, под названием Лиашв-ныха. Этот дуб находился во владениях общества Арыдаа, на берегу моря в 400-метрах к западу от Мдзымты на территории современного Адлера, («под ним джигеты по традиции справляли религиозные праздники, собирались на военные совещания, вершили суд»⁴⁴). И, конечно, совершенно неслучайно выбор места для картины Г. Г. Гагарина пал именно на этот объект и, как видно, был сделан самими садзами.

Во всем вышеизложенном, как мне кажется, просматриваются некие обрывки религиозной системы, связанной с противоборством темных хтонических и светлых небесных сил. Представленные исключительно интересные материалы, в свою очередь отражают имевшие и имеющие место не только осколки каких-то религиозных воззрений, но вероятно и связанные с ними культовые действия, в которых определяющая роль отводилась роду Аублаа. И здесь вновь складывается впечатление об Аублаа, как о роде, относившимся когда-то к жреческому сословию, в котором играл главенствующую роль, причем это главенство явно передавалось по наследству, что и привело в конечном итоге к его персонификации. С другой стороны обряды и ритуалы, связанные с божеством земли и с освобождением от ее злого влияния на этот род, свидетельствуют о том, что их жреческие функции не были связаны с каким-либо хтоническим божеством, а то, что ребенка ставили, обратив лицом в сторону восхода солнца (видимо, ритуал исполнялся во время его восхода), позволяет думать о связи с небесным огнем – с солнцем, а вместе с тем, как видно, и с молнией – огненным небесным змеем.

В связи с последним вызывает далеко не праздный интерес, сообщенное шапсугами этнографу Л. И. Лаврову смутное их воспоминание о каком-то «роде змей» или вернее «змеином роде», который жил некогда на территории общества Уардан (шапс. Вардане)⁴⁵. Л. И. Лавров считал, что «змеиный род» или «род

⁴⁴ **Инал-Ипа Ш. Д.** Садзы. С.258-259. **Лавров Л. И.** Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. //СЭ, 1936, № 4 – 5, с. 130.

⁴⁵ Как видно в данном сообщении отразилось время, когда этот род занимал территории, распространявшиеся и к северо-западу от сочинского подрайона. Важным представляется в этом отношении и сообщение ген. **Н. Н. Раевского** об обществе Вардан (Вардане). Здесь он вносит ясность в представлении о нем: «Сюэпсе [Зюебзе по Л. Люлье]. Реку сего имени называют ошибочно **Вардан** или **Фагусе**; первое есть название особого общества джигетов и всего урочища, на коем они живут, а последнее – имя ничтожного ручья, впадающего близ Сюэпсе». (**Раевский Н. Н.** О кораблекрушениях и о предосторожностях при плавании вдоль восточного берега // Кубанские областные ведомости. 1890, №№ 45-47. См. также // Абхазия и абхазы

змей» является никем иным, а родом именно «сочинских князей Облагу или Аублаа, как называют его донесения русских начальников (где «а», – пишет он , – видимо, есть абхазский префикс)» и далее продолжает: «В названии рода, присутствует элемент «бла», «блэ», что на адыгских языках означает «змея»⁴⁶. Может быть в прозвании Аублаа «змеиным родом» отразились их древние жреческие функции в культе почитания змей, в свою очередь, связанном с культом молнии – огненной небесной змеи? Недаром в роде Аублаа особо почиталась надочажная цепь как змей в железе – символ связующего звена между огнем земным с огнем небесным. Сравнительно недалеко от Сочи, в 5-ти или 5,5 верстах вверх по течению реки существовало даже селение под названием Архышна-аху, что по-абхазски означает «Холм надочажной цепи». Значит и там существовал один из центров ее культа⁴⁷.

К сожалению, ни в российской, ни в зарубежной печати XIX века, почти ничего не промелькнуло о языческих воззрениях этого загадочного рода. Имеются лишь косвенные следы об их священных местах – аныхах и почитании надочажной цепи⁴⁸. По воспоминаниям старожила города Сочи доктора К. А. Гордона гора Батарейка еще в начале XX века вся была покрыта старым дубовым лесом, в котором величина дубов доходила до 2-3-х обхватов толщины. Это была священная дубрава рода Аублаа – Аублаарныха, где «р» показатель принадлежности, а «ныха» означает «святилище». На этой возвышенности помещалась не только усадьба Али Ахмета, его аул и святилище в священной дубовой роще рода, но находились и могилы его предков, о чем писал Дж. Белл и доктор К. А. Гордон в последнем своем письме к Ш. Д. Инал-Ипа. Топоним Аублаарныха был засвидетельствован и профессором А. Д. Нордманом⁴⁹.

В этой священной роще на нижней ветви огромного старого дуба, висела железная цепь, оканчивавшаяся небольшим крестом с прикрепленной к нему надочажной цепью необычной формы. От этого креста шли расходящиеся в стороны две другие цепи, образующие стороны треугольника, с основанием из

в Российской периодике. Том I, 2005, с. 76, 77. Можно предположить, что там в прошлом жила одна из ветвей князей **Маршан – Вардан-жвлара**, переселившаяся затем, вероятно, на Северный Кавказ, а род **Фагуа** и теперь живет в Турции.

⁴⁶ **Лавров**. Указ. соч., с.130.

⁴⁷ **Его же**. Этнографический очерк убыхов // Ученые записки АдНИЯЛИ. Том VIII. – Майкоп. 1968.с.7.

⁴⁸ **Чачалиа Д. К.** Абхазская святыня старого Сочи (К вопросу о почитании надочажной цепи на Кавказе) // ЭО № 1. 1998, с. 86-92.

⁴⁹ **Инал-Ипа Ш. Д.** Садзы. С. 72, 122.

железной плотной пластины с пятью отверстиями – по одной на утонченных ее концах для скрепления с цепями и три в средней части, через которые были продеты кольца с прикрепленными к ним железными крючьями. Эти крючья, как видно предназначались для подвешивания пожертвований. Внутри же треугольника был приварен большой железный крест. Обо всем этом Дж. С. Белл пишет следующее: «...священность места определялась несколькими разбросанными могилами... Здесь я подошел к объекту моего любопытства, подвеске на ветви огромного старого дуба, к которой она была прикреплена железным клином. Прилагаемый набросок может наилучшим образом дать представление об этой любопытной реликвии древности и несомненном свидетельстве того, что христианство когда-то здесь преобладало, а также и о месте, выбранном для него. На крючки вешали различные многочисленные жертвования... которые оставались до полного ветшания. Вид некоторых лоскутков говорил о том, что они появились не так давно. Некоторые люди хотели снять этот крест как осужденного свидетеля ошибки и предрассудков их предков, чтобы русские не могли попытаться использовать его для притязаний на страну, которая когда-то была христианской. Другие же относились к этому символу с таким же почитанием, как Али Ахмет Бей, глава этой местности, который предъявлял право на предупреждение и пресечение осквернения этой реликвии веры его дальних предков, и я верю, что это было причиной более решительного сопротивления русским в одной или двух вылазках в этом направлении»⁵⁰. Фактически в этом предмете, как нельзя более ярко проявился религиозный синкретизм, где древний культ надочажной цепи и почитаемый языческий символ креста, несомненно, называвшийся с дохристианских времен аджаром (но вовсе не со времени принятия грузинами христианства), слился с христианским крестом. Действительно, этот предмет являлся «интереснейшей реликвией», свидетельствующей о произошедшем религиозном синкретизме, процессе слияния христианских и языческих представлений.

В этой дубраве, по словам Дж. Белла, около деревьев было поставлено много железных и других древних крестов, а среди них попадались даже позолоченные. По его свидетельству три креста были особо почитаемы – один висевший на дереве и два других, стоявших на земле. В связи с этим

⁵⁰ J.S.Bell. *Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839*. Vol. II, pp. 58, 59

представляет интерес, описанный выше инцидент имевший место 10 июля 1838 года, во время борьбы русских за захват сочинского района. Именно тогда разгорелся спор «по поводу некоторых старинных крестов». Часть народа требовала уничтожения особо почитаемых из них, а другая сильно препятствовала этому. Однако спор окончился в пользу почитателей крестов, среди которых первым оказался сам, по словам Ф. Торнау, якобы «ревностный мусульманин», князь Саша, Али Ахмет Бей Аублаа. «Благодаря его вмешательству, кресты были оставлены»⁵¹. Кстати, этот князь, о чем писал тот же Дж. Белл, пил много вина, а такое пристрастие к вину, в свою очередь, никак не согласуется с представлением о нем, как о «ревностном мусульманине».

Род Аублаа, о чем уже говорилось выше, впервые появляется в форме Облагу в 1830 году у барона И. Аш, а затем в 1835 повторен и Ф. Торнау. В дальнейшем в таком написании название рода больше, кажется, не встречалось. Позже, насколько мне стало известно, только один раз оно проскользнуло в форме Облаа в «Записке...» А. Пахомова, управляющего имением абхазского удельного князя Г. Д. Шервашидзе⁵². У этого автора начальные буквы Ау- , заменены одной фонемой О. Вероятнее всего это ошибка, так как в его «Записке...» встречается множество искажений, как топонимов, так и фамилий. Между тем среди представителей абхазской диаспоры эта форма, да и название их как Облагу, неизвестны. Там фамилия произносится только как Аублаа. Как видно не только бар. И. Аш, но и Ф. Торнау делали свои записи со слов адыгейцев.

И все же вопрос об этнической принадлежности князей Аублаа остается в силе. Какие же доводы можно привести для обоснования его принадлежности к садзскому, а точнее и шире, к абхазскому этническому миру.

а) Важен вопрос его сословного положения. Высшая феодальная категория князей, к которой принадлежали князья Аублаа, Хамышаа и Ачу, была представлена в социальной структуре абхазского общества XIX века, а не убыхского⁵³. Князей в социальной структуре убыхского общества не было, были

⁵¹ Там же.

⁵² Пахомов А. Записка об имениях князя Георгия Шервашидзе // Исторический вестник. Тбилиси. 1953, с.253 // Опубликовано И. Антелава и Г. Дзидзария. Выражаю благодарность В. А. Чирикба, обратившего мое внимание на эту форму фамилии.

⁵³ Отдел рукописей библиотеки им. Ленина. Фонд Ф. Д. Милютин, 169, л. 13, 81. (см. Инал-Ипа. Садзы. с. 128).

только дворяне и шляхотиджи. При этом род Аублаа признавали сильнейшим не только из садзских князей, но и среди всех владетелей на территории от реки Шахе до реки Бзыбь.

б) Известно, что Аублаа были крупнейшими и богатейшими феодалами. Только один князь Али Ахмет, по сведению генерала Н. Анрепа владел 700-ми дворами⁵⁴, а все население, находившееся, как тогда говорили, под «покровительством» князя, равнялось 10 000 человек⁵⁵, в то время как «сильнейший» и «богатейший», как тогда считали, убыхский дворянский род Берзеков, согласно Дж. Беллу, не имел ни одного своего представителя, обладавшего более чем 20-ю подвластными дворами.

в) социальное положение в обществе рода Аублаа одного из самых «знатнейших», по словам П. Россиева⁵⁶, было особым. Он, обладая исключительно широкой популярностью, пользовался, при этом, согласно сведению бар. И. Аш, «общим уважением народа».

г) О популярности Аублаа говорят фольклорные абхазские, а не убыхские, материалы, приведенные выше в тексте статьи. Само собой разумеется, что никакой род не мог бы занять столь впечатляюще почетное место в устном народном творчестве как Аублаа, в чуждой ему этнической среде. Вместе с тем этот материал свидетельствует и о глубокой древности рода.

д) Ш. Д. Инал-Ипа обратил внимание на оформление фамилии Аублаа, также как и Хамышаа, Чизмаа и других, окончание которых носит абхазский характер, где «аа» показатель множественности в отношении людей, что имеет распространение именно в абхазской среде: Жанаа, Козмаа, Герзмаа, Думаа, Агумаа те же Чизмаа и многие другие, о чем писали в свое время академики С. Н. Джанашия и К. В. Ломтатидзе⁵⁷.

е) Институт асасства являлся органической частью абхазского образа жизни и составлял неотъемлемую составляющую народного кодекса – «апсуара». Им и воспользовались князья Арыдба, вселяясь на земли князей Аублаа.

ж) Представители этого рода говорят, что они до сих пор живут по правилам апсуара, т. е. «абхазства», прося Бога помочь им сохранить этот

⁵⁴ Н. В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // КС, 1890. Том XIV, с. 310.

⁵⁵ Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера, с. 114.

⁵⁶ Россиев, Павел. У Черного моря... // Газ. «Новое слово». 1913, № 8.

⁵⁷ Инал-Ипа. Садзы. с. 123; Ломтатидзе К. В. Абхазское слово ауауы – «человек» // Моамбе. Том 4. № 7. 1943, с. 730 (на груз. яз.)

ценнейший национальный институт. И тут же с сожалением и тревогой говорят, что от их рода осталось всего несколько семей, говорящих по-абхазски. Вся молодежь растворяется среди турок, благодаря интенсивной урбанизации.

з) Представляет интерес важное сообщение П. Россиева, говорящее о том, что князя Аублаа не считались убыхами среди самих убыхов: «Генерал Симборский, – пишет он, – предложил князю (?) Берзекову взять от него письменные условия и прочитать их при сборе всего убыхского общества, а потом склонить к покорности князя Ахмета, а если можно, то и других старшин»⁵⁸, в которых, конечно же, следует видеть садзов. В этом пассаже ясно вырисовывается принадлежность Аублаа и всех старшин его среды не к убыхскому, а к садзскому, т. е. абхазскому этническому миру. Показательно в этом отношении сообщение Аублаа Икмет Ешреф-паши о том, что его предки выселились из Абхазии вместе с князьями Ачба и абхазскими же дворянами Магь/Магъра/Магъраа, а это последнее в свою очередь говорит об их абхазском окружении.

и) Привлекает внимание записанная известным ученым Х. С. Бгажба, очень важное сообщение, говорящее о том, что некогда какая-то ветвь рода Аублаа проживала и на территории Абхазии. Со слов глубоких стариков он узнал об исчезнувшем в Северной Абхазии племени Мзаа/Мдзаа/Мамдзаа, обитавшем в прошлом в абхазских горах и состоявшим из фамилий Аублаа, Абатаа, Абырзыкь, Адагуа, Аиааира, Аджираа и Нанба, полностью переселившимся в Турцию⁵⁹.

к) О том, что род Аублаа был абхазским, вряд ли может вызвать сомнение. Даже в политической жизни страны он, несмотря на то, что находился в сфере политического влияния убыхов, как правило придерживался общеабхазской ориентации и более лояльно относился к вопросу присоединения к России. Вспомним групповой портрет абхазских князей конца апреля и начала мая 1841 года, исполненный Г. Гагариным, где стоят представители только абхазской знати со своей свитой: слева-направо – генерал русской армии, первостепенный абхазский дворянин Кац Маан, затем под священным дубом стоят садзские абхазы князя Ахмет Аублаа и Аслан Гечба, славившийся своим огромным ростом и редкой, по словам Фр. Боденштедта, мужской красотой, далее

⁵⁸ Россиев. Указ. соч.

⁵⁹ Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси. 1964, с. 268.

цебельдинский князь Зоусхан Маршан (погиб в тот же год во время боев, предпринятых Анрепом для «наказания» убыхов, в безрезультатной, так называемой «Убыхской экспедиции» в начале октября 1841 года) и четвертый от него бзыбский княжич, воспитанник Керантуха Берзек – Ростом Инал-Ипа (сын Нарчоу Инал-Ипа, также бывшего воспитанника Берзеков.) Как ни странно, этот, широко известный групповой портрет, как и совместный портрет Керантуха Берзека с его воспитанником княжичем Ростомом Инал-Ипа, у всех авторов проходят по-разному, но нигде не даны правильные данные об этих личностях. Сведения же обо всех перечисленных лицах можно найти в специально посвященном этому вопросу исследовании – статье Д.Чачхалиа⁶⁰.

л) Обращает на себя внимание то, что селения, основанные князьями Аублаа в Турции и их владения садзы между собой называют по-абхазски, также как в прошлом и на их исторической родине – Аублаа иқыҭа, т. е. «селение Аублаа», а их владения в целом – Аублаа идгьыл, т. е. «Аублова земля».

м) Одним из важнейших показателей в рассмотрении подобных вопросов, как известно, является язык. Следует, видимо, здесь привести некоторые данные и в этом направлении. Так, например, один из наблюдательных авторов генерал Г. Филипсон отметил, ссылаясь на Жана де Лукка, писавшего 20-х годах XVII века, что самыми значительными реками абхазов были Соча и Субаши [речка у р. Шахе], писал: «В таком случае вся нынешняя земля убыхов принадлежала бы в то время абхамам, что и весьма вероятно, потому что и в настоящее время разноплеменность и следы недавнего завоевания очень заметны в этом участке» (о недавнем завоевании писал и Е. Фелицин) и добавляет при этом, что «во всей земле убыхов чернь знает язык асадзипсуа»⁶¹. Под чернью несомненно следует видеть покоренное садзское население, говорившее еще на своем садзском диалекте абхазского языка. Важно и то, что он пишет о самих садзах: «Этот народ, – пишет он, – говорящий чистым абхазским языком, имеет еще особенное наречие – асадзипсуа, не похожее ни на адэхейский, ни на абхазский язык»⁶². Собственно это тот же язык, на котором говорила и «чернь» на территории Нижней Убыхии. Видимо именно об этом языке писал и К. Ф.Сталь: « у убыхов в

⁶⁰Чачхалиа Д. Абхазские персонажи Гагарина // В кн. Чачхалиа Д. К. Хроника абхазских царей. М. 1999, с. 84-94.

⁶¹Филипсон Г. И. там же

⁶²Филипсон Г. И. Черкесы, казаки и адэхе // Рукописный отдел Российской гос. библиотеки. Фонд Д. А. Милютин. д. 169, № 81, л. 54

простонародье есть еще свой язык, но он день ото дня исчезает»⁶³. И здесь, надо полагать речь идет о том же садзском диалекте.

Интересное сведение донес до нас биолог Н. М. Альбов: «по словам хакучей, – сообщает он, – у убыхов было два языка – один общечеркесский, адыге..., а другой – свой собственный язык, которым они пользовались тогда, когда желали, чтобы их не понимали другие черкесы, например находясь в плену. Этот последний язык носил у них название «абзабзы». Он объяснял его значение как – «абхазский язык»⁶⁴. Л. Лаврову же удалось установить ошибку, допущенную Н. Альбовым. Загадочный язык называли так не сами убыхи, а их соседи шапсуги, рассказавшие Л. И. Лаврову, что язык этот хоть и был непонятен ни черкесам, ни абхазам, но все же стоял ближе к абхазскому, чем к черкесскому.⁶⁵ Ясно, что речь везде идет о садзском диалекте абхазского языка. Недаром абхазы, по словам Л. Я. Люлье, называли не только джигетов, но и убыхов садзами, не имея конечно в виду Верхнюю Убыхию. По его же сведению и всю Нижнюю Убыхию абхазы зачастую называли Садзеном⁶⁶. В то же время показательно, что когда Ф. Торнау говорит о смешанном населении Сочи и Вардане, то отмечает, что оно представляет собой смесь выходцев из натухайцев, шапсугов «и преимущественно абазинцев» (абхазов в целом он называл, как правило, абазинцами). Через некоторое время он писал, что в населении Соча «черкесы и убыхи» присутствуют лишь «отчасти»⁶⁷. Все вышеизложенное находит подтверждение и в наличии внушительного слоя абхазской топонимики в этом регионе, материал о котором дается в находящейся в печати книге Ш. Д. Инал-Ипа «Убыхи».

Весь этот материал был приведен мною для обоснования того, что действительно убыхи компактно не жили вблизи моря и, как видно, только в какой-то период XVIII века постепенно стали продвигаться к побережью. А в самом начале XIX века, спустившись с гор по ущелью реки Соча-пста, завоевали земли садзов, захватив и важный центр местного населения – Мытыхуа или Мутыхуа, но,

⁶³ **Сталь К. Ф.** Этнографический очерк черкесского народа // КС, т. XXI, 1900, с. 114.

⁶⁴ **Альбов Н. М.** Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г. // ЗКОРГО, кн. XVI. Тф., 1894, с. 142.

⁶⁵ **Лавров Л. И.** Из поездки в черноморскую **Шапсугию** // СЭ, 1936, № 4-5, с. 131.

⁶⁶ **Люлье Л. Я.** Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар. 1927, с. 9; **Торнау Ф.** ЦГВИА. ф.90. оп. 1. д. 120. л. 2.

Торнау Ф. ЦГВИА. ф. 90. оп. 1. д. 120. л. 2.

⁶⁷ **Торнау.** Воспоминания..., с. 114.

как уже отмечалось выше, в 15 верстах от моря были остановлены. В этой ситуации как видно по всему, князя Аублаа хотя и находились в зоне политического влияния убыхов, но, так как их владения не подверглись полному завоеванию оставались хозяевами на своей земле, проживая в окружении в основном садзского населения. Поэтому несостоятельна «формула»: «Сочи было сердцем Убыхии». Данное положение не соответствует действительности. Если это воспринимается как определение центра, где в 15 км от моря на реке Сочапста, а не в низовьях ее жили лидеры убыхов во главе с Хаджи Берзеком, («сердцем убыхов»), то только в таком смысле можно воспринять это выражение.

Что же говорят сами представители рода Аублаа о своей этнической принадлежности? При этом, большое значение имеет самосознание самих Аублаа. В Турции садзов, включая Аублаа и Шашаа, считают абхазами, называя всех абхазов и абазин одним словом «абаза», (адыги же словом «азега» называют именно абхазов, включая туда садзов, бзыбцев, абжуйцев и горные абхазские общества).

Все члены рода Аублаа удивляются тому, что их часто относят к убыхам. Так, Мюнур Аублаа, живущий недалеко от города Адапазары, в селении, которое они называют Джгерда, заявил Д. Чачхалиа, что с удивлением и только из печатных работ узнал, что их считают убыхами, в то время как весь их род садзский, абхазский. Он твердо знает, что его предки абхазы – апсуа как по отцовской, так и по материнской линии. Все представители этого рода знают свою родословную до отдаленнейших колен и утверждают, что их предки говорили на садзском языке, на котором продолжает говорить все нынешнее садзское население диаспоры.

Обнаружившему в Турции 16 селений садзов (и отдельные мелкие поселки), известному лингвисту В. А. Чирикба удалось собрать и изучить большой материал по садзскому диалекту и издать ряд посвященных ему работ⁶⁸. Готовится им к печати и грамматика садзского диалекта.

⁶⁸ **Чирикба В. А.** Расселение абхазов в Турции (Приложение к книге Ш.Д. Инал-Ипа «Садзы». – Москва, 1995. – С. 260 - 277); **его же:** Viacheslav A. Chirikba. Common West Caucasian. The reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. – Leiden. 1996. В эту книгу под названием «Общезападнокавказский язык» было включено и краткое описание садзского диалекта; **его же:** Chirikba, V.A. Sadz, an Abkhaz Dialect in Turkey. In: Howard A. Aronson (ed.). NSL.8. Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics, Chicago: The University of Chicago, 1996, p. 67-81.

Таким образом, на мой взгляд, все имеющиеся у нас данные достаточно обоснованно, определяют принадлежность Аублаа к абхазскому этническому миру.

Закончить очерк хочется словами жителя селения Джгярда (Турция) Аублаа Эмира, которые повторяют все представители этого замечательного рода да и все садзы: « Мы не убыхи – мы абхазы»⁶⁹.

⁶⁹Чачхалиа Д. Эмир Аублаа: «Мы – абхазы» // Гражданское общество. Сухум. 2004, с. 9.